

Science and Myth

Способность мифа к самоорганизации не означает, что он образуется и распространяется стихийно, поскольку в основе его распространения лежит не только свойства массового сознания, но и естественный для людей интерес. Но вышедшая из мифа и строящаяся на нем культура не спешит эту связь раскрывать, делая ставку на иррациональное. Иное дело наука. Она имеет свое особое, логически обоснованное и в целом отрицательное отношение к мифам, хотя и не чужда полностью мифотворчества. В философии также пока еще принято негативное отношение к мифам и их влиянию на научный и общественный процесс, и судя по наиболее типичным высказываниям, его можно считать априорно решенным. Примером тому являются резкие оценки мифа как "коварного", "отравленного оружия" [1, с.15], "социального наркотика", ведущего "к извращению нормального восприятия личного и общественного сознания" [2, с.22], противостоящего науке и играющего в обществе однозначно отрицательную роль.

В основе отношения науки к мифу лежит требование вернуться к здравому смыслу и жить по "научно выверенным теориям", ведь мир держится в целом на разумных основаниях (идея рационального мировоззрения), а миф как донаучная "примитивная" форма сознания вненаучен и должен быть "научным мировоззрением" преодолен. Так, опираясь на эволюционизм, редуционизм и рационализм, наука попыталась ограничить действие мифа сферой культуры и поспешила объявить себя зоной, свободной от него. В результате для большинства людей миф стал синонимом небытия, несуществования, выдумки, ложной фантазии, и наука эту точку зрения в большинстве случаев разделяет. И даже в тех немногих случаях, когда истоки мифа все же выводятся из естественных и практически неизменных процессов, имманентно свойственных как обществу в целом, так и человеку в частности, роль мифа в обществе все равно в целом оценивается отрицательно. В них "ложь мифа" противостоит "научной истине", которая не только "чиста" от него, но и принципиально с ним несовместима. Исключение в данном случае составляют лишь отдельные сферы и отрасли поставленных на службу власти общественных наук. Эти науки подвержены мифологизации в той степени, в какой обслуживают противостоящую массам и заинтересованную в их обмане власть. В остальных же случаях наука зорко стоит на страже у порога истины, познавая ее и оставляя за собой исключительное право определять истинность тех или иных гипотез, теорий и идей. Такая общепринятая точка зрения указывает на серьезное заблуждение "научных" методов исследования мифологии в целом, и социальной мифологии в частности. В действительности "в искусстве и в науке... не только возможно мифотворчество, но оно их буквально переполняет" [1, с.4]. И объясняется это не только неизбежной ограниченностью науки, но и необходимостью ее контроля над волевым и мыслительным процессом, в постоянной оценке и переоценке ею содержания массовых социальных и политических ориентаций, которые заставляют науку активно вмешиваться в процесс мифотворчества и постоянно им заниматься.

Являясь сферой человеческой деятельности по выработке и теоретической систематизации объективных знаний о действительности, наука стала особой производительной силой общества и его социальным институтом. Структурно она включает в себя деятельность по получению нового знания (наука-исследование) и сумму научных знаний, образующих в совокупности научную картину мира (наука-мировоззрение). Опираясь на результаты проводимых научных исследований, философия выполняет в науке функции методологии познания и мировоззренческой интерпретации поставляемых наукой фактов, соответствующим образом объясняющей мир, его устройство и развитие, формируя т. н. научную картину мира, то есть ту систему представлений, которая будет соответствовать уровню развития современной науки, создавая целостную картину представлений о мире, его общих свойствах и закономерностях, возникающую в результате обобщения и синтеза основных естественнонаучных понятий и принципов, строящихся на основе определенной фундаментальной научной теории. В создании такой картины нет ничего особенного, если бы не отождествление научной модели с реальностью. По принципу: мир такой, каким мы его сейчас представляем.

Активная вовлеченность науки в мифотворчество при отрицательном ее отношении к мифу в целом вызывает некоторое недоумение, заставляющее думать, что науке выгодно не признаваться в своем естественном несовершенстве и упорно демонстрировать научный снобизм. Но миф как имманентно присутствующее человеку и обществу явление, не несет в себе изначально отрицательный или положительный заряд. Такой заряд ему придает сам человек. Своими желаниями, помыслами, словами и действиями. Не бывает ядов и лекарств, все зависит от дозы, говорил великий лекарь Парацельс. И это относится к мифу. Миф сам по себе не представляет опасности. Он естественная данность, присущая обществу и человеку, их психологии и способу восприятия мира. И все зависит от того, кто привел его в движение, с какой целью и на какую почву он упал.

Несмотря на явное и очевидное противостояние между миром науки и миром мифов и символов, наука, как правило, не только не борется с мифами, но активно участвует в их возникновении и формировании. А открыто противодействует она лишь тем мифам, которые мешают ей самой развиваться, не способствуют утверждению тех или иных ее идей. Тогда то и звучат слова о мифах, как об архаике и предрассудках, играющих в обществе однозначно отрицательную роль. На деле сама современная наука, по меткому выражению Дж. Оруэлла нередко "сражается на стороне предрассудка"[3, с.239], активно участ-

вывая в создании собственных мифов, становясь, таким образом, одновременно и объектом и субъектом мифологизации. "В силу своей специализации, наука превратилась в место исследования бесконечных частей, которые позволяют ей манипулировать также, как манипулируют общественным сознанием, - писал по этому поводу Х. Ортега-и-Гассет, тут же делая безжалостный в своей точности вывод: ... Всякая наука, в той степени, в какой она пытается исследовать общество или проецировать свои исследования на общество, является объектом манипуляций" [4, с.258]. Добавим, манипуляций, отрицающих, а нередко и взаимно исключаящих друг друга. И хотя у разных ученых одна и та же проблема исследования вызовет в ее рассмотрении лишь незначительные нюансы, некоторое смещение тех или иных акцентов, спроецированные на все остальное, они дают такую амплитуду разногласий, что договориться о чем-то нередко уже становится невозможно. Хотя они и будут говорить об одном и том же. И каждый по-своему будет прав.

Именно поэтому приходится признать, что наука не только открывает и изучает, но и скрывает, игнорирует, замалчивает. Нередко она закрывает глаза на то, что ей не понятно, что нарушает привычное и угрожает господству устоявшегося, сознательно уходя от тех фактов, которые противоречат утвердившимся и общепринятым научным теориям., осуществляя подгонку открытых ею фактов под общепринятое по принципу: это было так, потому что по другому нам не понятно. Но все-таки, несмотря на это, чтобы мы ни говорили о науке, о ее современных представлениях, как бы их не критиковали и как бы в них в них не сомневались, в данный момент мы в целом имеем в ней то, что можно считать высшим достижением современного научного познания и человеческой мысли.

В какой же степени наука имеет иммунитет против мифа? Насколько она подвержена мифологизации и какие факторы ее определяют? Прежде всего, следует отметить, что, пользуясь языком, словом, наука уже в силу этого входит в зону мифа. Результат ее - информация, более или менее воспринятая лично, более или менее символизированная и, значит, более или менее мифологизированная. Но может быть есть наука, где личностное восприятие сведено к минимуму? Отказывая мифологии в научности, ее оппоненты противопоставляют ей "чистую" точную науку, науку как исследование. Действительно, если есть наука, свободная от мифа, то речь идет в первую очередь именно о такой науке: "чистая" наука свободна от идеологических штампов и чувственных наслоений, а "точная" - имеет дело только с цифрами и опытно проверенными, не подверженными толкованию, фактами. Что касается науки как исследования, то здесь все несколько иначе. Ведь зона научных исследований проходит там, где знание граничит с непознанным, где ничего определенного и окончательно устоявшегося нет, где мысль, опираясь на факты, оперирует только гипотезами. Но, рождаясь в зоне "сумерек", на границе с непознанным, любая гипотеза неизбежно оказывается в пространстве мифа, и не будет подвержена мифологизации лишь в той степени, в какой рассматривается и оценивается именно как гипотеза. Ибо научная гипотеза предусматривает не убежденность и категорическое утверждение, а возможность и вероятность; не прочувзованность, а отстраненность; не логику, а интуицию. Отстраненность от всего того, что делает ученого заложником собственных взглядов. С другой стороны, возникая в условиях дефицита информации, гипотеза в той или иной степени строится на домыслах и догадках. И тогда она оказывается ближе всего к мифу, так как требует особой отстраненности (по А. Ф. Лосеву - отрешенности) - символической, которая наполняет гипотезу мифическим смыслом.

В отличие от реальной, в чистой науке ученый ограничился бы только выводом самих законов, толкуя их лишь как гипотезы. И развитие такой науки можно свести к смене одних, не отвечающих уровню последних научных открытий, а потому устаревших, гипотез на другие, учитывающие последние открытия и, значит, более новые. В свою очередь накопление новых эмпирических данных в конечном итоге приведет к тому, что и эти гипотезы рано или поздно будут значительно подкорректированы или полностью заменены. И в этом нет никакой трагедии. «Чтобы наука была наукой, нужна только гипотеза и более ничего. *Сущность чистой науки заключается только в том, чтобы поставить гипотезу и заменить ее другой, более совершенной, если на то есть основания*» - писал, анализируя этот вопрос, А.Ф. Лосев [5, с.226-227]. В другом месте, развивая свою мысль, он замечает: "Со строго научной точки зрения можно только сказать, что сейчас обстоятельства, опытные и логические таковы, что приходится принимать такую-то гипотезу. Больше ни за что поручиться нельзя, если не хотите впасть в вероучение и в обожествление отвлеченных понятий. А самое главное, *ничего больше этого для науки и не надо*. Все, что сверх этого, есть уже ваши собственные вкусы" [5, с.348]. Конечно, он был совершенно прав, но мы знаем, что ученые, сумевшие сделать великие открытия в науке, как правило, не ограничивались рассмотрением их как гипотез и старались построить на их основании свою научную теорию, свою модель, распространяя ее функционирование на как можно большую часть исследуемого наукой мира. Почему они это делали, понятно, но любые попытки выйти за пределы научных гипотез - движение по пути мифологизации науки. В этом случае наука как исследование переходит в сферу мировоззрения, в область научной идеологии, задача которой защищать новую картину мира до тех пор, пока другие исследования и сделанные в результате их открытия не преобразуют ее или не разрушат до основания. Тем самым они вторгались в зону мифа и создавали свою мифологию. "Все эти бесконечные физики, химики, механики и астрономы *имеют совершенно богословские представления о своих "силах", "законах", материи", "электронах", "газах", "жидкостях", "телах", "теплоте" "электричестве" и т. д.*" - утверждал А. Ф. Лосев.[5, с.227]. И тогда становится ясным, что "под теми философскими конструкциями, которые в новой философии призваны были осознать научный опыт, кроется вполне определенная мифология" [5, с.218]. Исключение составляет лишь отвлеченная наука; наука как система логических и числовых закономерностей, то есть чистая наука.

Одна из уходящих форм мифического сознания - вера во всемогущество науки. Еще на заре Просвещения одержав свои первые победы, наука посчитала, что здравый смысл восторжествовал и, возомнив себя всемогущей, объявила о монополии на истину, которую она сможет познать логическим путем. Выступая как объективное и достоверное знание, максимально проверенное по форме и систематизируемое по содержанию, наука постаралась выполнить эту задачу. Но отражаемая в ходе научного познания реальность требовала составления научной картины мира. И на основе науки-исследования сложилась наука-мировоззрение, выполняющая скорее роль ее идеологии. Человечество нуждается в более или менее правдоподобной картине мира. И наука выполняет этот заказ. Но насколько он выполняется, насколько научная картина соответствует действительности? Видимо, настолько, насколько мы будем считать ее таковой. На определенном этапе в науке сложилось впечатление, что такая картина уже создана. Исходя из этого, наука, как мировоззрение, стала все более влиять на проведение научных исследований, определять их стратегию, решать, что в них считать научным, а что нет. В некоторых странах это влияние стало настолько сильным, что развиваться, как исследование, наука могла лишь там и в той мере, где и когда дело касалось безопасности общества и государства. Так мысль О. Шпенглера, что "нет вечных истин... Непреходящая мысль есть иллюзия. Суть в том, какой человек нашел в них свой образ" [6, с.165], была предана забвению. И тогда, помимо объективных причин побуждающих к вольной или невольной мифологизации, наука получила реальный стимул продолжить этот процесс сознательно и целенаправленно. Но знания, изначально заданные, теряют смысл. Или к науке он уже отношения не имеет, хотя и может быть облечен в научную (наукообразную) оболочку. И тогда мы читаем, но не вчитываемся. Разбираем, но не вдумываемся. Познаем, но не понимаем.

Диалектика взаимоотношения науки и мифа особо выделяет проблему мифологичности науки, ее вовлеченности в процесс социального мифообразования. Анализируя соотношение и взаимосвязь науки и мифа, А.Ф. Лосев утверждал, что "миф не наука и не философия, и никакого отношения к ним не имеет", что наука не появляется из мифа, а миф не предшествует науке [5, с.234, 217]. Не оспаривая его выводы в принципе, попробуем их уточнить. Во-первых, хотя наука и не рождается из мифа и не тождественна ему, но в реальной жизни, понимаемая лично, она без него не существует и, значит, всегда в той или иной степени мифологична. Вот почему под каждым направлением в науке, более или менее опытно проверенным, логически обоснованным (позитивизм, материализм и т. п.) т. личностно осмысленным, лежит своя мифология, своя мифосистема. И потому, творимая людьми в определенную историческую эпоху, реальная наука обрастает и сопровождается своей мифологией, питаясь ею и черпая из нее свои исходные интуиции. Что касается принципиальных различий науки и мифа, то они не определяют их принципиальную несочетаемость и несовместимость.

Конечно, миф и наука не одно и то же, но некая их взаимосвязь и зависимость вполне очевидна. Они не тождественны, но совместимы и взаимопереплетаются. Их взаимоотношения диалектично естественны и неизбежны, ибо их зона функционирования практически почти полностью совпадает. Особенно в сфере общественных и социальных наук. И этот фактор утверждает не только их переплетенность, но и периодическую взаимозаменяемость, когда наука начинает работать на миф, а мифы подпирают те или иные утверждения науки. Подобные процессы можно отрицать или осуждать, но разрушить их нельзя. И потому самый эффективный способ очищения науки от свойственных ей мифов – избегать ее абсолютизации, уходить от ее категоричности и жесткой определенности, рассматривать ее как непрерывный диалектический процесс, где одни гипотезы борются с другими, не утверждаясь в науке как нечто незыблемое и окончательное. Но, к сожалению, реальная наука - другая. Она не только предполагает и доказывает, но и внушает, пропагандирует. А ведь наука, используемая в целях пропаганды с целью абсолютизации неких отвлеченных принципов и гипотез, сама становится мифом, ибо в этом случае выводимые из «первичного мифа» доктрины сущностные конструкции также мифологичны, как и сопутствующие ей частности.

Анализ взаимоотношения науки и мифа подводит нас к необходимости рассмотрения вопроса о том, может ли мифология быть отраслью науки? Для этого надо выяснить:

1) могут ли миф и мифология обладать свойствами, традиционно считающимися критерием и признаком научности? Одним из критериев научности той или иной теории является научное противопоставление " истинного" и "кажущегося", "представляемого" и "действительного", "существенного" и "несущественного". По мнению ряда исследователей мифа (Э. Кассирер, Р. Барт, С. Московичи) миф представляет собой значимость, и поэтому не может рассматриваться с точки зрения истины. Такие попытки ученых отказать мифологии в некоторой доли истинности и закономерности А. Ф. Лосев назвал "абсурдом". И на то у него были основания. Мы даже не берем в данном случае тот факт, что истинность мифа и мифологии как суммы мифов имеет иной характер, чем истинность мифологии как науки о мифах. Ведь речь идет об истинности в принципе, а не о конкретной его форме. Так, по его мнению, с одной стороны, миф не противопоставляет эти категории "научно", так как сам есть непосредственная действительность. Но отрицать всякую возможность подобных противопоставлений в мифе не правильно. Миф может различать истинное от кажущегося, а представляемое от действительного. Но делает это он не научно, а мифически. Вот почему, противопоставляя науку мифу, нельзя "доводить до такого абсурда, что мифологии не свойственна ровно никакая истинность или, по крайней мере, закономерность" [5, с.228]. И действительно, в любой религиозной и идеологической борьбе мы видим свою мифическую истинность, свои критерии истинности, свои закономерности. Тому примером, скажем, борьба христианской мифологии с языческой, православной с католической, атеистической с религиозной. Каждая из приведенных мифологий содержит

определенную структуру - определенный метод возникновения различных мифов и мифических образов, и выравнивается с точки зрения определенного критерия (свойственного ей), который для нее истинен. Этот критерий свойственен только ей, отличая данную мифологию от других, является одним из главных аргументов в их постоянной борьбе, которая в рамках мифического сознания возможна только при условии понимания категории истинности и выявления различий между действительным и мнимым. Когда одна мифологическая система, борясь с другой, рассматривает и оценивает все именно с точки зрения "истины". Но не научной истины, а истины мифической. Чем же отличается одна от другой? На первый взгляд здесь все просто. Научная истина строится на фактах и доказательствах, а мифическая – на вере. Первая допускает сомнение, а вторая его исключает. Но в действительности все намного сложнее. Почему же? Во-первых, любая система доказательств исходит из представлений истинного и ложного, действительного и кажущегося, реального и представляемого. А мы уже видели, что социальный миф при всей его внешней абсурдности для его носителей всегда логичен и доказателен. И потому каждый его сторонник может сказать: верю, потому что знаю. И чтобы мы не думали на этот счет, как бы его взгляды не критиковали, он будет полностью убежден в своей правоте, пока не придет время менять одни мифы на другие. Во-вторых, понятие "истинности" исходит из возможности обладания "подлинными знаниями", подпираниями выводы об истинности той или иной научной теории. Но такие "подлинные" знания возможны лишь, когда мы рассматриваем знание не как сложный диалектический процесс, но как некую данность, как абсолютно бесспорный факт; как нечто, что уже никогда не может быть подвергнуто сомнению и пересмотру. И конечно, такие факты в науке есть. Их бесспорность может не подвергаться сомнению, но построить познавательный процесс исключительно на них, как правило, не возможно. И в новых теоретических и ассоциативных комбинациях они могут приобрести не свойственные им текучесть и относительность, либо станут ничего не значащими частностями. И тогда миф внезапно покидает отведенную ему наукой зону между "подлинным знанием" и "нераспознанным заблуждением", чтобы занять всю сферу познания; сферу, где знание, включенное в процесс познания, уже несет в себе элемент заблуждения и незнания, где мифы могут стать опорой господствующей научной теории, либо готовить ее будущее ниспровержение. Где мифы движут (как гипотезы) и подпирают (как мировоззрение) реальную науку, являющуюся всего лишь продуктом определенного исторического развития.

2) способны ли мифы использовать систему доказательств или они опираются только и исключительно на веру? "Мифология ничем не доказана, ничем не доказуема и ничем не должна быть доказываема" – утверждает А. Ф. Лосев [5, с.218]. И происходит это, по его мнению, потому, что наука не может разрушить или опровергнуть миф, так как он "научно" непроверяем. Таким образом, не в силах уничтожить миф, наука всеми силами пытается загнать его в сферу искусства, в царство поэзии и неосознанных интуиций; в зону, где факты, логически выверенные доказательства и жизненный опыт ничего не значат. А там, где миф не доводится этим, где "поэзия мифа интерпретируется как биография, история или наука, она уничтожается" [7, с.248]. Вот почему миф вне научен и не может базироваться на "научном" опыте. Но на наш взгляд это не совсем так. Во-первых, для мифа, возможно, и не нужны анализ понятий, терминологическая ясность и продуманность языка, приведенные в систему выводы и доказанность их положений, но вместе с тем не стоит и упрощать. Особенность мифа в простоте его непосредственного восприятия, когда самый обычный и научно неподготовленный человек осознает, понимает и принимает миф сразу, непосредственно и чувственно. Но вместе с тем, его восприятие начинается с простейших вещей, но ими не исчерпывается. С точки зрения уровней восприятия и интерпретаций миф неисчерпаем. Или исчерпаем настолько, насколько "исчерпаемы" представления о нем тех людей, что его воспринимают, принимая не только чувствами, но и разумом. Во-вторых, в самой науке нередко доказуемое строится на недоказуемом и самоочевидном (версии, гипотезы, мнения), а тот или иной миф регулярно "научно" опровергается. Другое дело, что эти опровержения никоим образом его не ослабляют. Точнее, миф для них будет абсолютно неуязвим, пока он для масс желанен. Но стоит массам в нем разочароваться, как все ранее звучавшие доказательства станут для них убедительны и непроверяемы. В-третьих, примеры современных социальных и политических мифов показывают обратное. Так современный социальный и политический миф воспринимается не только внешне научно и интуитивно, он опирается на социальный и политический "опыт" государств, классов, народов и может быть вполне доказуем. Свидетельством тому являются социальные и политические мифы о руководящей и направляющей роли КПСС, о преимуществах социализма и его победе в СССР; учения о коммунизме, прогрессе и всеобщем равенстве; лозунги в духе мессианства США, доктрины времен нацизма и холодной войны. Эти мифы не просто опирались на чувства, а именно доказывались множеством примеров, статистических данных, научных положений и расчетов. Такая ситуация, к сожалению, зависит не только от власти, но и от общества, желающего "знать ответы на главные проблемы современности", а после низложения выполнявшей эту роль церкви, наука поневоле должна была ее в той или иной степени заменить. Исходя из этого, ясно, что вся социальная и политическая мифология, любая идеология, каждая политическая доктрина хотя и рассчитана на чувства, но всегда строится на определенного рода доказательствах. Мы можем им верить или в них сомневаться, доказывать их или опровергать, понимать, что они делают упор не на логику, а на убеждение, не на разум, а на подсознание, но для тех, на кого они рассчитаны, они будут бесспорными доказательствами их явной исторической и научной правоты. В-третьих, отрицая научность мифа и мифологию как науку, А. Ф. Лосев сам создал свою научную теорию мифа, свою мифологию, логически выверенную, доказательную и научно убедительную.

3) может ли мифология выходить за пределы мифов? Способна ли она абстрагироваться от них или ее следует рассматривать лишь как некую сумму мифов, мифологическое мировоззрение, ограниченное пределами собственной мифосистемы? Известный специалист по сравнительной мифологии Дж. Кэмпбелл утверждал, что "как наука или история мифология абсурдна" [7, с.248]. По мнению А. Ф. Лосева, мифология - не наука, а "жизненное отношение к окружающему" [5, с.233]. "Миф ни с какой стороны не научен и не стремится к науке, он... - вненаучен" [Там же], поскольку "абсолютно непосредствен и наивен". Он видим, осязаем, но касается внешнего, чувственного, частного, образного и реального. Подобные умозаключения А. Ф. Лосева никак не сочетаются с другими выводами, где он утверждает совершенно обратное, ибо сводит миф к чему-то "абсолютно" наивному, поверхностному, непосредственному, значит не понять его вообще. Любая самая духовная, самая глубинная мифология оперирует внешне простыми чувственными образами, что не отменяет их символически наполненной значимости, бесконечной символической интерпретации их знаково очерченного для нас глубинного смысла. Мы можем рассматривать мифы сами по себе, как конкретное, образное содержание мировидения и мировосприятия, и тогда они конкретны, непосредственны, чувственны. А можем - как основу мировоззрения, имеющую свой код, свой язык, свою структуру, свой способ восприятия и понимания, как форму и способ мировидения, где степень развитости и наполненности сознания определяет уровневую глубину и насыщенность восприятия. И, таким образом, миф прост и сложен одновременно, поверхностно наивен и непосредствен и при этом символически неисчерпываем и универсален. Он делает простое сложным, обыкновенное необыкновенным и загадочным. Он превращает каждую функционально конкретную вещь, каждого человека, каждое явление в неисчерпаемый микрокосм, постоянно являющийся и скрывающийся, проступающий во всем, явный и непостижимый, разрывающий привычные связи и связующий несовместимое. Он позволяет плодить символические интерпретации всего, что для человека значимо, наделяя его тем символическим смыслом, каким оно вне нашего восприятия, вне наших ощущений и чувств никогда не обладало. Но в данном случае дело не в этом. И если миф – «вненаучен», обречена ли на вненаучность вся мифология? На наш взгляд, как совокупность мифов мифология сохраняет их характерные черты, и потому наукой быть не может. Но как раздел, видящий в мифах объект исследования, изучающий мифы, их свойства, особенности их возникновения и функционирования, степень воздействия их на людей, мифология является наукой и в таком виде будет наукой всегда.

Источники и литература

1. Кравченко И. И. Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. – 1999. - № 1. – С.3-17.
2. Тахо-Годи А. А. А. Ф. Лосев. Целостность жизни и творчества // Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. - М., ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – С.5-28 .
3. Оруэлл Дж. Уэллс, Гитлер и всемирное государство // Дж. Оруэлл. "1984" и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – С.236-239.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс: Хрестоматия /Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. - Саратов: Бахрах, 1998. – С.195-315.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. - С.205-405.
6. Гаджиев К. С. Американская нация: самосознание и культура. М.: Наука, 1990. - 240с.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – М.: Рефл-бук, АСТ, К.: Ваклер, 1997. – 384 с.